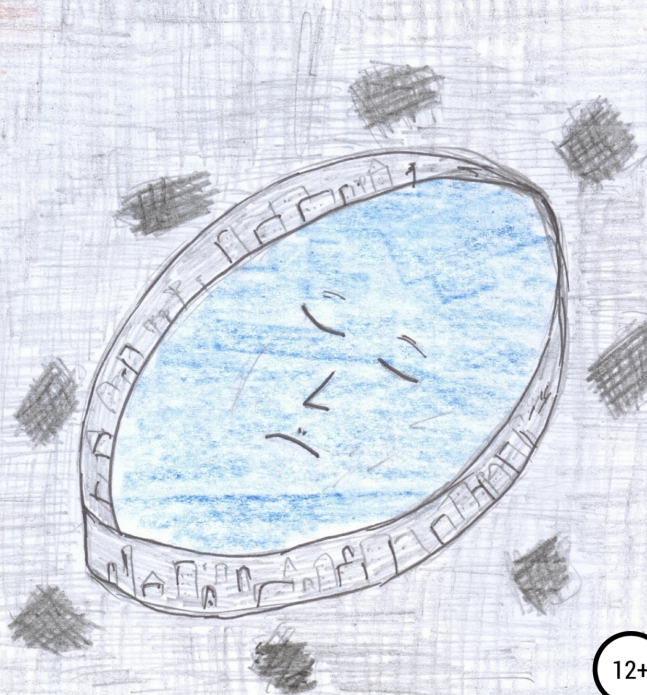

Гард

12+

Антон Малютин

Антон Олегович Малютин

Гард

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65739389

SelfPub; 2021

Аннотация

Каждую ночь гарды даруют людям счастливые сны и исполняют самые заветные желания. Каждую ночь гарды ходят на грани, забыв о себе ради защиты Города и его обитателей от нападения извне. И каждую ночь гарды боятся ошибиться, ведь цена ошибки – счастье миллионов людей.

АНТОН МАЛЮТИН

Гард

- Что ты делаешь?
- Сплю.
- Нет.
- Что «нет»?
- Ты не спишь.
- Почему?
- Тебе лучше знать.
- Я не знаю.
- Знаешь.
- Да?
- Да.
- А откуда ты знаешь, что я знаю?
- Потому что мы уже говорили об этом.
- Разве? Не помню.
- Помнишь.
- Нет.
- Попробуй вспомнить.
- Не могу.
- Значит, я зря пришёл.
- Куда?
- К тебе.
- А зачем ты здесь?

– Не знаю. Я хотел узнать у тебя.

– Почему?

– Потому что ты меня позвал.

– Я тебя позвал?

– Да.

– Когда?

– Давно.

– Я не помню...

– У тебя было много дел, поэтому ты забыл.

– Может быть.

Наступило молчание. Он раздумывал. Постойте, а где он? Кажется, он лежит на чём-то мягком, глаза закрыты, но сквозь веки пробивается мягкий свет. Так было всегда? Наверное. Но это сейчас не важно. Зачем он здесь? И кто с ним разговаривает? Голос убеждает, что пришёл сюда по его зову. Но он не помнит, что звал кого-то.

Наконец, он открыл глаза. Несколько секунд он видел размытые контуры и яркие пятна, но глаза постепенно привыкли к свету, окружающая действительность приобрела свой обычный вид. Круглая комната с панорамным окном. За гладкими стеклянными панелями солнечный свет заливает верхушки деревьев и дома. В комнате прохладно и абсолютно тихо. А вот и дверь. Она закрыта. Но он чувствует, что с той стороны кто-то есть.

– Ты здесь? – язык прилип к нёбу и еле поворачивается, слова выходят с трудом, будто он молчал целую вечность.

– Да. – раздался приятный баритон за дверью. – Ты уже встал?

– Кажется... Я только проснулся, но ещё не встал.

– Я подожду.

– Чего?

– Пока ты встанешь, вступишь меня и объяснишь, зачем позвал.

– Но... Ах, да. – вспомнил он недавний разговор. – Но я не помню, зачем позвал тебя.

– Давай подумаем об этом вместе.

– Наверное, это будет правильно. А вдруг?..

– Что?

– Вдруг ты обманываешь меня.

– Я?

– Да.

– Нет.

– Не обманываешь?

– Не обманываю. Ты позвал – я пришёл.

Голос за дверью крепок и спокоен, но с ним что-то не то. В этом теплом баритоне будто не хватает жизни. И от него веет угрозой.

– Гард? – снова раздался голос за дверью.

– Гард?

– Это ты. Ты действительно всё забыл.

Точно, его зовут Гард! И он... Он здесь что-то делает. А где это «здесь»?

Гард встал, но чуть не упал. Ноги ватные, колени едва сгибаются. Гард сделал несколько шагов, и с каждым шагом ноги будто крепили, тело обретало устойчивость. А после короткой разминки и руки пришли в порядок. Гард обошёл комнату, выглянул в окно – это башня! Высокая, круглая, на самом верху комната с панорамным окном и маленькой дверью, за которой сейчас кто-то есть. За стеклом голубое небо, яркий солнечный свет и Город, простирающийся за горизонт.

Город.

И башня.

Здесь что-то не то.

Гард задумался, потёр пальцами лоб, снова закрыл глаза.

Но не смог ничего вспомнить.

– Гард, ты встал? – снова мягко, но настойчиво спросил голос за дверью.

– Да.

– Зачем ты звал меня?

– Не знаю.

– Открой дверь, и мы всё выясним.

Гард посмотрел на дверь и замер в нерешительности. Деревянная дверь с простой металлической ручкой-скобой. Ни замка, ни задвижки, ни простейшего крючка. Гард очень удивился.

– Дверь открыта. – произнёс он.

– Да. – всё с той же невозмутимостью ответил голос. – Но я не могу войти.

– Почему?

– Потому что... – кажется, впервые голос запнулся, не зная, что ответить. – Потому что ты должен впустить меня. Ведь ты звал меня и хочешь что-то сказать.

Гард ничего не ответил. Он стоит и смотрит на дверь, на эту потертую стальную ручку, плохо прикрученную шурупами, на обшарпанную и заляпанную пальцами кромку, на сеть царапин и неглубоких трещин. Дверь стоит здесь давно, сделана кое-как, навешана кривовато. Но почему-то тот, кто стоит за ней, не может войти. Это очень странно.

Наконец, Гард решился. Он неуверенно подошёл к двери, потянулся к ручке. Кажется, хозяин голоса понял, что происходит, и, боясь спугнуть Гарда, молча ждёт. Но рука замерла в сантиметре от ручки. Гард медлил. Что-то удерживало его от последнего шага.

И вдруг он вспомнил. Резко одёрнул руку, попятился от двери. Сердце сильно забилось, дыхание стало прерывистым, на лбу выступил пот.

– Нет. – сухо, изменившимся голосом произнёс Гард.

– Что «нет»? – спросил голос.

– Я не открою.

– Ты вспомнил? – голос за дверью тоже едва заметно изменился. В нём будто появились насмешливые и высокомерные нотки.

– Я и не забывал.

– Не лги. На минуту ты забыл. И почти оступился.

– Уходи. – громко сказал Гард. – В Город хода нет!

– Я уйду. Но приду снова. – голос секунду помолчал. – До встречи, Гард.

– Прощай!

Наступила тишина. За дверью больше никого нет, угроза исчезла. Гард без опаски подошёл к двери, потянул за ручку. Дверь кротко скрипнула и без усилий открылась. В проёме серый туман, ледяной и обволакивающий, поглощающий свет и звук, безжизненный. Он начинается прямо за порогом, струится и клубится, но не проникает внутрь башни. Потому что по порогу пролегает граница, за которой туману делать нечего. Впрочем, как и человеку нечего делать в тумане.

Гард притворил дверь, обошёл комнату, посмотрел на Город, сжал губы. Он пришёл в чувство, атака отбита, и до конца смены они едва ли решатся на новую. По крайней мере, на его памяти повторная атака была всего один или два раза. Но Гард ни на мгновение не покинет башню, потому что быть здесь – его долг.

Ник любил гулять по Городу. Бесцельно бродить по его улицам, вдыхать его воздух, рассматривать его дома, просто быть здесь и наслаждаться неповторимой атмосферой. Днём улицы Города утопали в солнечном свете, ночью искрились мириадами неоновых огней. Обитатели города никуда не спешили, всегда улыбались и, кажется, были счаст-

ливы. Каждый был волен делать здесь всё, что хотел, на краткий миг позабыв о проблемах и заботах реального мира.

Много лет назад Ник придумал себе простое развлечение: бесконечные прогулки по Городу в полном одиночестве. Изредка прогулка оборачивалась знакомством с красивой девушкой, ужином и ночью любви... Но это всегда был обман, вызывающий чувство разочарования и ощущение потери. Лишь многочасовые прогулки, в которых не было усталости, дарили истинное счастье. В общем-то, Город для того и существует, чтобы делать людей счастливыми независимо от их вкусов и желаний.

Сегодня Ник не изменил себе: едва очнувшись, он встал, привёл себя в порядок, сделал кофе и вышел на улицу. За несколько минут известными ему одному путями добрался до одного из новых районов. Он возник здесь совсем недавно, и резко выделялся на фоне своего окружения. Район утопал в зелени, местами этот зелёный ковер пронзали высотки причудливых форм, под вековыми деревьями прятались небольшие озёра, повсюду пролегали мощёные дорожки, окружённые бесконечными лавочками и беседками. Ник подумал, что этот район создан современными урбанистами, потерпевшими неудачу в боях с городскими властями за комфортную жизнь. И, пожалуй, это у них получилось неплохо.

Ник смотрел на всё это и улыбался. Но радовался он не великолепию пейзажу, а тому, что скрыто от посторонних

глаз. Раз в Городе возник новый район, значит в мире появился ещё один гард. Иначе кто будет отвечать за существование и спокойствие этого заповедника урбанистов? Ведь гарды всегда служат на пределе своих возможностей, и никто из них при всём желании не взялся бы опекать ещё один район.

С такими мыслями Ник покинул новый район. Время ещё оставалось, поэтому он неспеша погулял по улицам соседних районов, с которых теперь открывался великолепный вид. Но в какой-то неуловимый момент предметы потеряли чёткость, краски побледнели, картинка поплыла, потеряла целостность и рассыпалась на тысячи плоских осколков. Яркий и шумный мир перестал существовать, а Ник, ослепший, парализованный, лишенный дара речи, на мгновение повис где-то вне времени и пространства. Пробуждение...

...Пробуждение. Глаза открыты, но ещё не видят. Мозгу нужно несколько секунд на осознание реальности. На сердце необъяснимая тоска по выдуманным мирам, способным даровать истинное счастье. Рвутся последние нити, связывающие разум с Городом, наступает окончательное пробуждение.

Ник закрыл и снова открыл глаза. Комнату заливают солнечный свет, в открытое окно доносятся звуки города. На часах почти одиннадцать, это трудно назвать утром. Но сегодня и спешить никуда не нужно. Во рту пересохло, но глоток

воды из стакана, благоразумно оставленного вчера у кровати, решает эту проблему. Ещё несколько минут Ник лежит и бесцельно разглядывает потолок. Но лежать так скучно, поэтому Ник делает усилие над собой и встаёт.

Сегодня его смена, но до вечера ещё далеко, так что придётся найти какое-нибудь занятие на день. Причём такое, после которого можно будет заснуть крепким сном без снотворного. Но ничего, Ник что-нибудь придумает. А начнёт он с тёплого душа, лёгкого завтрака и часовой пробежки по городским улицам.

– Что ты делаешь?

– Сплю.

– Почему?

– Не знаю. Я устал и лёг.

– Но тебе нельзя спать.

– Почему?

– Разве ты не помнишь?

– Что?

– Что ты ждёшь меня.

– Разве?

– Да. Ты позвал меня, и я здесь.

– Я не помню.

– Вспомни. Меня огорчает, что ты позвал меня, а сам уснул.

– Огорчает? Почему?

- Потому что ты обещал погулять со мной.
- Но я не могу гулять. Я сплю.
- Вот именно. Ты спишь, а я стою под твоей дверью и жду.
- Ждёшь?
- Да. Я жду тебя.
- Но я не помню, что звал тебя.
- Конечно. Ты заснул и всё забыл.
- И что теперь делать?
- Встань ипусти меня.
- Зачем? Ведь мы собрались гулять.
- Я подожду, пока ты соберёшься. За дверью холодно.
- Раз холодно, тогда...

Он осекся. За дверью холодно. За какой дверью? Вокруг ничего нет – лишь серая мгла, которую иногда пронзают цветные сполохи света. Постойте, серая мгла – это не весь мир. Просто у него закрыты глаза, и сквозь веки пробиваются вспышки света. Теперь всё понятно. Он действительно спит. Лежит на чём-то мягком, без одеяла и, кажется, в одежде. Вокруг темно, абсолютно тихо и прохладно, лишь сполохи света пробиваются сквозь веки.

Он открыл глаза, осмотрелся. Он в какой-то маленькой комнате с белым потолком и стенами неопределенного цвета. Прямо напротив большое окно в металлической раме. За окном ночь, которую расстреливают огни реклам и неоновых вывесок. Он зажмурился и вновь открыл глаза. Оглянулся и, сделав усилие, сел на кровати. А вот и дверь. Она закрыта,

но за ней чувствуется чьё-то присутствие. Наверное, там и находится его собеседник.

– Ты здесь? – язык не слушается, голос хриплый и чужой, слова с трудом слетают с губ.

– Да. – из-за двери донёлся приятный женский голос. – Ты уже встал?

– Кажется...

Он поднялся с кровати, но тут же остутился и, чтобы не упасть, опёрся о стену. Ноги не слушаются, будто деревянные, чужие. Руки не гнутся, затекли, онемели. Он поморщился, попытался сделать несколько шагов, сжал и разжал ладони – конечности стали приходить в норму, наполнились силой, приобрели чувствительность.

Странное ощущение. И очень знакомое. Будто такое уже случалось, и не раз.

Он оглянулся, прошёлся по комнате, подошёл к окну. Высоко, этаж десятый, не меньше. С той стороны город, усеянный странными зданиями, разукрашенный сотнями световых вывесок и рекламой. По улицам струятся потоки людей, изредка прерываемые светофорами и машинами. Но город нем, погружён в давящую тишину. Даже звона в ушах нет.

Что он здесь делает? И кто за дверью? Он чувствует чьё-то присутствие, будто кто-то наблюдает за ним, вслушивается в шаги, ждёт каких-то слов.

И источает угрозу.

– Я слышу шаги. Ты встал? – всё тот же приятный женский

голос из-за двери. Голос спокоен и терпелив. Но с ним что-то не то. Будто не хватает жизни.

– Да. Я... – он замолчал, не зная, как сформулировать свою мысль.

– Что?

– Я... Кто я? И что я здесь делаю?

– Ты не помнишь? Это очень грустно.

– Почему?

– Потому что амнезия – это плохо. Тебе срочно нужно к врачу.

– Но как к нему попасть? – он ещё раз осмотрел комнату. – Здесь нет телефона.

– Я вызову врача. Впусти меня, я помогу.

– Ты?

– Да.

– Но, если... – в его голосе появилось сомнение. – А если ты меня обманешь? Я не знаю, кто ты.

– Ты боишься, это естественно при амнезии. Я не обману, доверься мне. Я лишь войду, осмотрю тебя и вызову врача.

– А ты не можешь вызвать его сейчас?

– Нет.

– Почему.

– Здесь слишком темно и холодно. Так холодно, что телефон отключился.

– Да? Хорошо...

Он подошёл к двери. Она странно контрастировала с ин-

терьером комнаты: старая и обшарпанная, покрытая сетью царапин и трещин, с наспех привинченной двумя шурупами железной ручкой-скобой. И дверь не заперта – на ней нет ни замка, ни щеколды, ни хлипкого крючка.

– Дверь открыта. – с недоумением произнёс он.

– Да. Но я не могу войти, её заклинило. Попробуй открыть ты.

– Я попробую...

Он неуверенно сделал шаг к двери. Но на задворках сознания возникло сомнение. Будто кто-то пытался докричаться до него, сказать, что за дверью скрывается угроза... Но этот крик глхнет, превращается в неразличимый шёпот, едва уловимые образы, обрывки эмоций. Но лишь чувство угрозы не проходит, а наоборот – с каждой секундой нарастает. И та, что за дверью, будто чувствует это, молчит, боится спугнуть его.

Он встал в шаге от двери, потянулся рукой к ручке, почти дотронулся до неё, но...

Но он всё вспомнил. Прорвавшиеся в мозг воспоминания обожгли, заставили резко одёрнуть руку и отскочить. Сердце ускорило бег, дыхание стало прерывистым, руки задрожали, прошибло в пот.

– Нет. – твердо, незнакомым голосом ответил он.

– Что? – голос за дверью всё такой же безжизненный.

– Я не открою.

– Ты вспомнил. – на краткий миг в голосе почувствова-

лось разочарование, которое снова сменилось холодностью, смешанной с высокомерием. – Это неожиданно.

– Так всегда происходит.

– Нет. Сегодня ты почти сделал это, Гард.

– Уходи. – Гард резко оборвал этот разговор. – в Город хода нет!

– Я уйду. Но завтра снова вернусь. – секундное молчание. – До встречи, Гард.

– Прощай!

Ещё несколько мгновений Гард ощущал чужое присутствие за дверью. Но затем всё прошло. Исчезла угроза, вернулось спокойствие, рассыпалась безжизненная тишина. Гард грустно улыбнулся, утёр пот со лба. Медленно, но без опаски подошёл к двери, провёл рукой по её обшарпанной и засаленной поверхности. Мягко взялся за ручку, ощутив холод железа, потянул на себя. Дверь легко поддалась и открылась. С той стороны клубится серый туман. Абсолютно безжизненный, поглощающий свет и звук, подавляющий саму жизнь. Но туман не выходит за порог. Потому что по порогу пролегает граница, за которой туману делать нечего. Впрочем, как и человеку нечего делать по ту сторону границы.

Гард притворил дверь, прошёлся по комнате, посмотрел в окно. Первая атака отбита, а на вторую они не решатся. По крайней мере, такого на его памяти никогда не было. Но он не покинет комнату. Сегодня это пост Гарда, и быть здесь, охранять спокойствие людей – его долг.

Сегодня Ник не на службе, а значит – снова бесконечные прогулки по Городу. Только пешком, никаких колёс и крыльев. Сначала он прогулялся по собственному району, взял кофе, посидел в парке, поднялся на крышу небоскрёба, с улыбкой проводил воздушный кортеж молодожёнов, едва не угодил под шумную детскую толпу, помог какой-то старушке найти ретро-салон, полежал под раскидистым деревом...

Как же хорошо и беззаботно!

Но здесь он знает каждый закоулок, гораздо интереснее побывать в новых местах. Ник решился прогуляться у закрытых районов, которых в Городе на удивление много.

Несколько минут по известным только ему тропинкам, несколько мягких переходов между районами (на одном из переходов он слегка поплыл и почти выпал, но такое бывает с районами неопытных или слишком усталых гардов), и Ник оказался перед стеной. Высоченная, упирается в самое небо. Гладкая, будто сделанная из чёрного стекла, непроницаемая. Ник прошёл вдоль стены, но не нашёл и намёка не дверь или окно. Летать вокруг района тоже бесполезно – наверняка, сверху есть какая-то защита от посторонних глаз. Или стены просто уходят в бесконечность.

Ник сел, прислонившись спиной к холодной стене. Нет, ему не удастся даже краем глаза взглянуть на закрытый район. А было бы любопытно познакомиться с его обитателями. Нику несколько раз предлагали поучаствовать в подобных

проектах, но он всегда отказывался. Он уважает желания и пристрастия людей, но его нутро протестует против закрытых районов. Несмотря, что за это хорошо платят...

Ник встал, бросил взгляд на непроницаемую стену и двинулся в путь. Ещё несколько мягких переходов, и он у другого закрытого района. Зеленая стена, незнакомые деревья, кусты и вьющиеся растения, они будто живые – едва заметно шевелятся, что-то неразличимо нашёптывают. Ник протянул руку к стене – обычные растения, прохладные, с мягкими листьями и шершавыми стволами. Ник подался вперёд, попытался раздвинуть растения и проникнуть в стену. Кажется, получается. Но двигаться тяжело, растения цепляются за одежду, царапают лицо и руки, нашёптывают на ухо странные слова. Каждое новое движение даётся с трудом, растения уже раздрают кожу, доставляют адскую боль. В какой-то момент двигаться стало невозможно, Ник застрял, опутанный деревьями, окруженный тьмой, оглушённый потусторонним шёпотом. Но вдруг деревья расступились, в глаза ударил солнечный свет, Ник почувствовал толчок в спину, полетел лицом вниз...

И упал на дорогу перед зелёной стеной.

Интересное решение. В прямом смысле слова живая изгородь, способная проглатывать, пережёвывать и выплёвывать любопытных путников. Наверняка, есть защита от полётов и проникновения на транспорте. Проверять свои догадки Ник не будет, он заранее уверен в результате.

Ник окинул взглядом зелёную изгородь и побрёл дальше. Мягкий переход – крохотный квадратный пустырь с покосившейся избушкой в центре. Наверное, прибежище одиночки, который ищет тишины. Мягкий переход – средневековый город, построенный со знанием дела и вниманием к мелочам. Вероятно, коллективный труд историков-медиевистов с горящими глазами. Интересно и красиво, но душа Ника не лежит к истории. Мягкий переход – и... Облака? Воздушные замки, раскинувшие свои башни и флигели по пронзительно-голубому небу. Здесь только летают, пешком ходить строго запрещено. Что ж, каждый сходит с ума по-своему, в Городе нет правил на этот счёт. Мягкий переход – огромный район, уставленный аттракционами, батутами, лавками со сладостями, сценами, на которых поют неизвестные артисты. Яркий, пёстрый, наполненный счастливым смехом, криками и радостью. Творение взрослых, которым не хватило детства.

Мягкий переход, остановка, толчок. На мгновение картинка размазалась, поплыла, заволоклась серым туманом. Ник едва удержался на ногах, сделал несколько шагов в сторону, упёрся в невидимую границу, упал... Переход, тяжёлый и болезненный, тело обожгло ледяным холодом. На секунду Ник будто потерял сознание, но тут же открыл глаза, перевернулся на спину.

Он лежит в пыли на самой границе небольшой района в стиле американского Дикого Запада. В полуметре от

него клубится серый туман, источающий бесконечный ужас. Только что здесь был какой-то район. Не тот ли, что с аттракционами? Нет, вон там, справа, виднеются верхушки шатров и гигантские колёса обозрения. Ник вышел из этого района и попал в... Он не помнит, в какой. И его тут же выбросило на пыльную дорогу Дикого Запада.

– Ничего не понимаю... – раздался голос неподалёку.

– Найтмар. – сдавленно ответил Ник, поднимаясь. – Нападение.

– Что? Я никогда такого не видел.

– И лучше бы не видеть.

Ник поднялся, отряхнул пыль с ладоней, осмотрелся. Целый район, наполненный людьми, исчез. Этот гард не справился, найтмар проник в Город и сделал своё чёрное дело. По спине пробежал холодок.

Нужно бежать отсюда. Это уже третий случай за последнюю неделю. Найтмары изобрели способ усыплять бдительность гардов, обманом проникать в Город, приносить с собой страх и разрушения. От этих мыслей внутри всё переворачивается, отказывают ноги и руки, тело становится ватным, в глазах мутнеет, картинка плывёт... Хочется крикнуть, зацепиться за ускользящую иллюзию. Но крик застревает в горле, пальцы рассыпаются в песок, мир тускнеет и проваливается во тьму...

Пробуждение.

Ник не находил себе места. Сегодня на его глазах рухнул целый район Города. Уже третий за неделю. Ник всегда был уверен в себе. Как и те, кто стоял на страже уничтоженных районов. Что это – нелепая случайность, вызванная усталостью гардов, или закономерность, запущенная изобретательностью кошмаров? Трудно говорить.

Город огромен, потеря трёх районов для него ничего не значит. Но люди...

Ник отогнал от себя эти мысли. Чем больше он думает о кошмарах, тем страшнее ему становится. Он даже поймал себя на мысли, что не хочет заступать сегодня на службу. Но это всего лишь мысли. Он не может не выйти, он должен выполнить свой долг. Потому что люди хотят быть счастливыми, и только Нику под силу воплотить это желание.

Ник попытался расслабиться и забыться. Принял душ, привёл себя в порядок, вышел на улицу. В городе ветер, над самыми крышами угрюмых домов плывут тяжёлые облака, холод, серость и пустота. Но Ника это не остановило. Он добежал до ближайшей кофейни, взял самый большой стакан горячего напитка, вышел на тротуар, задумчиво посмотрел по сторонам и отправился гулять. Всё лучше, чем думать о кошмарах и судьбах Города.

Об этом Ник подумает, когда наступит ночь.

– Что ты делаешь?

– Сплю.

– Но тебе нельзя спать.

– Почему?

– Потому что ты на посту.

– На каком?

– Пограничном.

– Я пограничник?

– Можно сказать и так.

– А какую границу я охраняю?

– Разве ты не помнишь?

– Нет.

– Значит ты плохой пограничник. Ты спишь на посту и не знаешь, на какой границе служишь. Таких увольняют.

– Но я не хочу...

– Что?

– Чтобы меня уволили.

– Но мне придётся.

– Что?

– Уволить тебя.

– Ты можешь это сделать?

– Да.

– А кто ты?

– Ты разве не знаешь?

– Нет.

– Это ещё одна причина уволить тебя.

– Но...

– Вставай!

Он вздрогнул от окрика. И резко открыл глаза. Какая-то будка, сбитая из старых неотесанных досок. Дощатый потолок, под которым висит почерневшая от времени лампочка. В стене крохотное окошко с мутным стеклом. Через окно проникает солнечный свет, в тусклых лучах плавают мириады пылинок. Прохладно, на уши давит абсолютная тишина. А затылок ощущает чьё-то присутствие.

– Ты встал?

– Ммм... – слова застряли в пересохшем горле, превратившись в месиво неразборчивых звуков. Он откашлялся, открыл рот, высунул язык, подвигал челюстью в стороны. – Почти... – наконец, смог произнести он.

– Вставай. Ты слишком много спал на посту.

Он попытался пошевелиться, но руки и ноги не слушаются. Его охватил испуг – парализован! Нет, мышцы работают. Но от долгого пребывания в одной позе тело затекло, стало непослушным, чужим. Он сделал усилие, сел на постели, спустил ноги на пол, попытался встать, но тут же снова упал на кровать. Ещё немного усилий – и вот он уже стоит на ногах, придерживаясь рукой за стену.

– Ты встал?

– Да...

– Приводи себя в порядок, собирай вещи и на выход.

– Да, сейчас...

Он растерян и не понимает, что происходит. Какой-то пост, граница, сон, непослушное тело, увольнение. Он

осмотрелся, прошелся по комнате, выглянул в низкое окно – с той стороны виднеется пустырь с пожухлой травой, за которым поднимается странный город. Громады небоскребов самых причудливых форм вырастают из зелёного ковра и упираются в самое небо. Местами виднеются мосты, по которым движутся почти неразличимые точки – наверное, люди. А может и другие существа. Мало ли кто здесь может жить. Город огромен, но не подавляет, а наоборот – заставляет любоваться собой, каждое мгновение находить новые детали, удивляться и радоваться...

– Ты готов?

Он так увлёкся видом из окна, что забыл о собеседнике. Оглянулся – в противоположной стене дверь. Такая же старая и неказистая, как вся эта будка. Наспех сбитая из широких досок, обшарпанная и почерневшая от времени, покрытая сетью трещин и царапин, с плохо прикрученной на два винта ручкой-скобой. Такая дверь едва ли могла защитить обитателя будки от нарушителей границы.

И хозяин голоса находится за этой дверью.

– К чему?

– Ты уже забыл?

– Ах, да... – он вспомнил весь разговор. – Собраться и выйти.

– Да, но не совсем.

– Что?

– Ты должен собрать вещи и впустить меня.

– Зачем?

– Мне нужно осмотреть пост и лично уволить тебя.

– Это справедливо.

– Хорошо, что ты признаёшь это. Значит, обойдёмся без споров и скандалов.

Всё это действительно казалось ему справедливым. Если ты на посту – не спи. А если спишь – будь добр, покинь пост. И спорить здесь не о чем. Но... Но что-то здесь не сходится.

– Гард! – раздался тот же голос за дверью. В нём читалось нетерпение и раздражение. И в то же время голосу не хватало жизни. Его будто генерировала машина.

– Не понимаю.

– Это ты Гард.

И он вспомнил. Он Гард. И он на посту. Он здесь с незапамятных времён, он охраняет границу и не пускает... не пускает их.

– Да, я Гард. – ответил он, немного придя в себя. – А тебя я не знаю.

– Ты меня отлично знаешь. И я тебя знаю. Да, ты раскрыл меня. Но скоро твоя смена закончится и тебя на посту сменит другой. Менее ответственный. Не такой сильный и смелый. И тогда я войду!

– Нет, ты не войдёшь! – закричал Гард, подскочив к самой двери. – Я предупрежу, чтобы тебя не впускали! А теперь уходи!

– Ладно, я уйду. Но помни, твоя смена скоро закончится,

и придёт другой... Вот тогда я...

Голос за дверью угасал и через несколько секунд пропал. А Гард стоял, опершись руками не дверь, и размышлял. Кажется, он сделал свою работу, прогнал незваного гостя от границы, не открыл ему дверь. И он так устал! Нужно прилечь и немного вздремнуть.

Гард осмотрелся, нашёл кровать, поправил смятую подушку, прилёг и закрыл глаза. На мгновение стало темно, но тут же за дверью послышался другой голос:

– Гард! Проснись!

– Я не сплю. – произнёс он, ещё не придя в себя.

– Да ты же заснул! Несколько часов назад мы получили сообщение, что ты подвергся атаке. Мы пришли, как только смогли, а ты спишь.

– Несколько часов? Кажется, я только закрыл глаза, а прошло столько времени...

– Всё в порядке?

– Да. Наверное. Но я очень устал.

– Знаю. Поэтому я пришёл сменить тебя.

– Хорошо, это очень хорошо.

Гард встал, но на этот раз тело слушалось, никаких провалов в памяти не было. Солнечные лучи всё так же проникают сквозь мутное стекло и высвечивают тысячи пляшущих пылинок. На уши давит та же мертвенная тишина. А за старой дверью кто-то есть.

– Гард?

– Да?

– Точно всё в порядке?

– Да, кажется. Просто я не совсем понимаю...

– Это бывает. Последствия атаки. Ты обессилен, тебе нужно отдохнуть. Я пришёл сменить тебя.

– Ты прав, у меня совсем нет сил. Входи.

– Я... Я не могу. Может ты забыл, но дверь как раз и нужна для защиты от проникновения.

– Точно, как же я мог!.. – Гард даже хлопнул ладонью по лбу, поняв, какую глупость он сказал. – Я сейчас, подожди.

Гард подошёл к двери, потянулся к ручке, но замер на полпути. Что-то останавливает его. На душе необъяснимая тоска. Нет! Это просто усталость. Сейчас его сменят на посту, а он пойдёт отдыхать. Гард снова потянулся к ручке, прикоснулся к ней пальцами, на секунду замер, стараясь понять свои ощущения. Холодный металл, шершавый, неприятный. Просто старая ручка, наспех привинченная кем-то на два ржавых шурупа. Наконец, Гард крепко взялся за ручку и потянул дверь на себя. Дверь с трудом поддалась, отворилась, за ней показалась узкая щель, заполненная тьмой и серым туманом. Щель медленно расширяется, а вместе с ней растёт беспокойство Гарда. Что-то скребётся в самое сердце, свербит мозг, больно ударяет в затылок.

И вдруг Гард всё вспомнил. Его пронзила острая боль, сердце бешено заколотилось, дыхание стало частым и поверхностным. Гард попытался крепче взяться за ручку, на-

валился на дверь, упёрся ногами в пол. Но было поздно.

Он проиграл найтмару. Он поверил в иллюзию и открыл дверь, впустив кошмар в Город.

Гард пытается сопротивляться, но дверь открывается всё шире, в щель проникают языки серого тумана. Они стелются по полу, хищно лижут дверной проём, заполняют сам воздух. Кажется, туман упивается своей победой, насмехается над Гардом, старается сделать ему ещё больнее. Гард понимает, что обречён. Но он стоит до конца. Туман заполнил будку, источает смертельный холод и бесконечный страх. Холод обволакивает Гарда, обжигает лёгкие, замораживает кровь, заставляет кожу рассыпаться на тысячи острых осколков. Гард превратился в комок боли и страха, не может дышать, на краю сознания осталась одна-единственная мысль – так и приходит конец...

Ник очнулся. Сердце бешено колотится, не хватает воздуха, голова раскалывается на части, тело покрыто холодным липким потом. Он подскочил с кровати, но мышцы не слушаются, будто они сейчас на самом деле пережили смерть Гарда. Ник сделал несколько шагов по комнате, попытался успокоиться, но попытка взять себя в руки провалилась. Началась паническая атака. Ник глубоко вдыхает, хватая ртом воздух, но всё равно задыхается. Мышцы свело судорогами, пальцы сжались в кулаки, в глазах потемнело.

И где-то на краю сознания тает образ победившего найт-

мара, который захватил Город, сеет в сновидениях сотен тысяч людей панику, разрушает воздушные замки, оставляя после себя безжизненный серый туман.

Ник упал на колени и что было сил закричал.

Долгий, душераздирающий, нечеловеческий крик заполнил комнату, вырвался через открытые окна и растворился в ночной тьме.

Крик принёс облегчение. Ник обессиленно упал на пол, закрыл лицо руками, наступила тишина, прерываемая редкими всхлипами.

Через четверть часа Ник пришёл в себя и успокоился. Встал с пола, выпил стакан воды, походил по комнате, подошёл к окну. За окном город. Но не тот, что в его снах, а настоящий. Город спит и видит кошмары. Возможно, эту ночь переживут не все. Люди давно не видят кошмары, они отвыкли от страха во сне, привыкли каждую ночь наслаждаться мечтами, жить полной жизнью, веселиться, любить, чувствовать себя почти богами.

И сердца, размякшие от вечного счастья, могут не выдержать встречи с кошмарами.

Просто потому, что Ник сегодня не справился.

Природа наградила его редчайшими способностями даровать коллективные осознанные сновидения, разрушать туман бессознательного, строить целые города, в которых люди проживали свои сны. И защищать от ночных кошмаров, которые стремятся проникнуть в Город, захватить сны его

обитателей, разрушить иллюзию, уничтожит вечное счастье, убить... Почти каждую ночь он засыпал, теряя свою личность, и просыпался по ту сторону в образе Гарда. Каждый раз он мучительно силился вспомнить о своей миссии, каждый раз он принимал неравный бой у кошмаров, которые могли войти в Город только по приглашению. И всегда Гард побеждал.

Но сегодня Ник не справился. Найтмар обманул его. Глупо, по-детски. Создал убедительную картину, сон во сне об усталом пограничнике. На краткий миг Гард забылся, не усомнился, принял правила игры, поверил в реальность происходящего. И собственными руками открыл дверь, впустив кошмар в Город.

Ник устало смотрел в окно и прокручивал в голове эти мысли. Он не знает, сколько людей было под его защитой – сотни тысяч, может миллионы. Все они сейчас мучаются во сне, бледнеют от страха, кричат искривлёнными ртами, хватаются за воздух, подскакивают с кроватей и бегут. Многие уже очнулись и пытаются успокоиться.

Но проснутся не все.

Ник осознаёт это, и ему плохо.

Он подумал о Городе. Нет, Город не падёт – он слишком большой, его защищает много гардов, все они не могут ошибиться в одну ночь. Хотя...

Ник прогнал эти мысли. Нет, Город не падёт. Перестанет существовать только часть его – тот район, что создан и охра-

нялся Ником. На его месте будет лишь серый туман бессознательного, убивающий своим пронзительным холодом. А обитатели погибшего района... Кто-то из них разберётся по Городу, найдёт пристанище под крылом других гардов, забудет о несчастье. Но места хватит не всем, и кто-то снова будет видеть обычные, неосознанные сны, снова станет игрушкой своего сознания, станет жертвой ночных кошмаров...

Ник тряхнул головой, прошёлся по комнате, вышел на кухню, налил полный стакан воды и медленно выпил.

Да, люди снова увидят свои сны. Но это ненадолго. Завтра же Ник примется за работу, построит новый район Города, ещё лучше прежнего. Он дарует людям осознанные сновидения, наполненные безмятежностью и истинными счастьем. Не все обитатели погибшего района увидят новое творение Ника. Но те, кто увидит – снова будет спать с улыбкой на лице.

И Гард больше не ошибётся.